

7 декабря. Билибино

Здравствуйте, дорогая Валентина Федоровна!

Я еще в Билибино, но скоро переберусь в Анадырь. Говорят, дыра невероятная, вроде бы и название с этим связано. А главная беда в том, что там свирепствуют пурги (во множественном числе и с ударением на «у»). Спрашиваю: почему «пурги»? Отвечают: увижу — пойму...

На днях повстречал девочку-чукчанку, лет семи-восьми. Она была в черной шубке, белой шапочке и настоящих чукотских торбасах. Прямая черная челка контрастировала с шапочкой и заканчивалась точно над глазами-щелочками с черными бусинками-зрачками. Сообразив, что я не просто смотрю, а люблюсь, девочка не смутилась и приятно улыбнулась. Я увидел её белые смешные зубы — врастопырку. В поведении маленькой чукчанки не было кокетства, но проглядывались та открытость и доверчивость, от которой родители стараются поскорее избавить своих детей, чтобы они не стали жертвами этих несомненных добродетелей.

Я подошел и спросил, не позволит ли она себя сфотографировать. Девочка спокойно, с достоинством разрешила: «Пожалуйста!» Меня поразили чёткость и ясность её ответа и как чисто было произнесено маленькой чукчанкой русское слово. Мне даже показалось, что она сделала реверанс. После нескольких снимков я поблагодарил её и вновь услышал: «Пожалуйста». И опять это было сказано с неким подобием реверанса.

Так же произносят заветные слова «пожалуйста», «спасибо», «здравствуйте», «до свидания» — те, увы, уходящие люди, которые застали краешек века галантности и учтивости, когда важным считалось не только слово, но и то, как оно произносится, с какой интонацией, в сопровождении какого жеста.

Этот некогда обязательный патриархальный ритуал делал жизнь краше и добрее. Без него те же слова оказались дежурным оформлением дежурных отношений. По пальцам одной руки я могу пересчитать тех, кто сопровождает даже мимолетное обращение почтительным поклоном. Все они далеко не молоды. Если бы мы так друг с другом здоровались и прощались, то уже одним этим добрым жестом изгнали бы из себя внутреннее рабство и вернули достоинство.

Но откуда взялась эта уходящая манера здесь, на Чукотке, у маленькой чукчанки? Глядя ей вслед, я сожалел, что больше ее не увижу, и спросил вдогонку, как ее зовут. Девочка повернулась и, прищурив без того узкий глаз, нежно произнесла: «Ксюша!»

...На следующий день я зашел в краеведческий музей. Он расположен в относительно старом двухэтажном здании и является гордостью Билибино. Собранным здесь материалам и экспонатам могут позавидовать лучшие музеи северных городов, в чем безусловная заслуга Григория Сергеевича Глазырина — основателя музея.

Он родился в 1909 году в глухой деревеньке в Вятской губернии. Закончил педагогический институт, Московский университет и работал инженером в столице. С началом войны был мобилизован, воевал, но в 1942-м попал в плен. Из плена бежал к своим. С армией прошел всю Восточную Европу, однако в Венгрии сгоряча прокомментировал гимн Советского Союза. То ли засомневался в строчках, то ли мотив не понравился, а может, понравился, но не так, как должен нравиться гимн отечества, — словом, загремел Григорий Сергеевич на десять лет. И ещё легко отделался. Могли дать и двадцать, и двадцать пять и даже расстрелять. Попал Глазырин, как и положено, на Колыму, а после освобождения, в 1953 году, еще дальше — на Чукотку. Но вместо того чтобы сгинуть, Григорий Сергеевич стал выдающимся гражданином. Сначала работал начальником геологоразведочной партии, которая базировалась в Билибино, затем гидрогеологом Анюйской геологоразведочной экспедиции, а выйдя на пенсию,

занялся созданием музея, который принес ему общечукотскую славу. Так, выход на «заслуженный отдых» может оказаться не концом, а началом подлинной деятельности.

Я видел фотографию Глазырина: здоровенный сибирский дядька с длиннющей густой бородой, над которой нависает огромный, как у Жерара Депардье, нос. Григорий Сергеевич, в длинной толстовке, препоясанный, уверенно шагает по улице, теперь носящей его имя, и, если бы рядом с ним шел сам Депардье, на француза — при всей его славе — никто бы не обратил внимания: столь блеклым казался бы он на фоне Григория Сергеевича. У Глазырина и прозвище было соответствующее — «Дед». Говорят, не было такого, чего бы этот Дед не знал про Чукотку. Светлая ему память.

Нередко случалось, что этапированные на край земли становились видными учеными, учителями, топографами, краеведами и исследователями того самого края, куда их выслали. Поэтому о Колыме и Чукотке написано столько книг и таких, что нашим центральным городам и весям не снилось. Мне рассказали о старом чукче, который хвалил товарища Сталина именно за то, за что остальные клянут: тот высылал сюда хороших и образованных людей.

Помимо наследников и продолжателей дела Григория Сергеевича, в краеведческом музее работают еще и уборщицы-смотрительницы: чукчанка Лариса и эвенка Надя. Лариса родом из Кепервеема, ближайшего к Билибино села. У неё есть старшая сестра — Татьяна, которая живет в Кепервееме, и пять братьев. Они обитают в тундре. Родители уже умерли. Отец много лет работал учителем русского языка и литературы, затем председателем колхоза, а мать всю жизнь была чумработницей. Это и швея, и повар, и воспитатель... Все в одном лице! Лариса закончила восемь классов и ушла в тундру, куда звала душа, вышла замуж и, как мама, стала чумработницей. Ее муж, бригадир оленеводов, в 1997 году неожиданно заболел, и его вовремя не вывезли из тундры. Лариса осталась с двумя сыновьями

(шестнадцати и тринадцати лет) и восьмилетней дочерью... Ксюшей.

Я был рад тому, что моя знакомая так скоро и неожиданно обнаружилась, и уже на другой день видел ее в музее, куда Ксюша зашла после школы. Вторая смотрительница, Надя, и её муж, Афанасий, принесли эвенскую одежду, в которую меня нарядили. Уж очень хотелось иметь экзотическую фотографию на фоне костей мамонта. Поскольку пришла Ксюша, то я фотографировал и ее... Все дети светлы — это правда. Но маленькие дети тундры... Близость к природе и удаленность от цивилизации сделали их такими, что любоваться их душевной чистотой и искренностью можно без конца. Ксюша, вдобавок ко всему, отлично владеет русским. И я, кажется, выяснил, откуда это у нее.

Ксюша часто бывает у своей тети в Кепервееме, а та, как и дедушка, преподает русский язык и литературу в средней школе. Теперь ниточка потянулась в Кепервеем.

Уже через день я встретился с Татьяной Алексеевной в сельском клубе. Маленькая, хрупкая, спокойная, не улыбающаяся и в очках — Татьяна Алексеевна показалась мне самой настоящей русской учительницей, хотя, кроме языка, русского в ней не было ничего. Но прежде о Кепервееме.

Это пока единственное село, где я побывал, хотя меня убеждают отправиться в какой-нибудь отдаленный поселок «посмотреть на трудную жизнь». Я отвечаю, что мне хватит Билибино, но меня вновь и вновь убеждают ехать в Анюйск, в Островное и даже в Омолон, уверяя, что, не побывав там, я ничего о Чукотке не узнаю. Возможно. Но, если я доберусь до Омолона, меня и оттуда постараются отправить в ещё большую дыру, потому что всегда отыщется место, в сравнении с которым Омолон предстанет светочем цивилизации. В конце концов, я не краевед, не топограф, вообще не романтик и в Кепервееме оказался лишь потому, что глава этого поселка посадил меня в теплый «уазик» и пообещал доставить обратно в Билибино.

Село Кепервеем — по-чукотски «Росомашья река» — на-

ходится на реке Кепервеем, южнее Билибино. Иной раз называют или пишут это название через «э» — *Кэпэрвеем*. Проживают в нём в основном чукчи, хотя есть и эвены, и русские, и латыши, и белорусы, и киргизы. Всего шестьсот жителей. Здесь находится аэропорт — своеобразные ворота, не миновав которые в Билибино не попадешь.

Когда-то на берегах Малого Анюя жил богатый оленевод по кличке — Кэпэр (Росомаха). Росوماхи всеядны, жадны и поедают все, что попадает на глаза: зайцев, грызунов, птиц, — а попадемся мы — и на нас нападет ненасытная росомаха. Они нападают на больших рогатых оленей и даже на лосей, вспрыгивая им на спину и перегрызая сонную артерию, но не брезгают и падалью. Росوماхи разоряют продуктовые склады и умудряются вытаскивать приманку из капканов. Словом, это не по размерам сильный, хитрый, ловкий и осторожный хищник, и, кроме меха, в нем трудно отыскать что-нибудь доброе. Я видел чучело этого зверя, так у него ко всему еще и морда препротивная. А вот маленькие росомашки — очень милые создания, их хочется взять на руки и приласкать. Что ж такое: пока дети — все хорошие, все милые. Как вырастают — так черт знает что!

Так вот, этот богатый оленевод, владевший бесчисленными стадами, отличался неслыханной жадностью и потому заслужил в народе соответствующую кличку — Кэпэр. Когда он умер, его похоронили на берегу реки, у которой почему-то не было достойного названия. У нас безымянную реку назвали бы в честь какого-нибудь положительного героя, а у чукчей все по-другому.

Но это предания. На самом деле поселок Кепервеем возник в 1947 году. До этого здесь стояли лишь несколько яранг. Совхоз, который сюда переместился, возник вдалеке, на берегах Ледовитого океана. Там находилась центральная усадьба, которая затем разделилась на два совхоза с нечукотскими названиями: «имени Маленкова» и «Вперед!». Первый совхоз в 1957 году после разоблачения антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова превратился в поселок Илирней. А «Вперед!», в полном соответствии с

названием, не стоял на месте и докочевал до реки Кепервеем. Оленеводы, пришедшие со стадами, решили строить новую центральную усадьбу неподалеку от Билибино, там, где сейчас добывают золото. Называется это место Коральвеем — «Холодная река». Уже

было построили контору, школу-интернат и столовую, уже оленеводы приезжали за зарплатой, как обнаружили мотивы (я их так и не выяснил), по которым усадьбе оленеводов находиться здесь было нельзя. Надо было срочно искать новое место.

Его искали по всей тундре, но никак не могли найти, что неудивительно. Иной раз по комнате ходишь и не знаешь, куда табуретку поставить... Все же решили поставить контору там, где уже стояли яранги, неподалеку от места захоронения жадного оленевода Кэпэр-Росомахи. В 1947 году началось интенсивное строительство домов. Но последняя яранга исчезла лишь в конце семидесятых. В ней жила старенькая чукотская бабуля, которой по виду было лет шестьсот-семьсот. Она ни за что не хотела переселяться. И действительно: посмотришь на убогие кепервеемские дома — как в них жить?

Между тем, в одном из таких домов и живет Татьяна Алексеевна вместе с мужем и тремя детьми. Её родители (бабушка и

дедушка маленькой Ксюши) были в этих краях знамениты. Алексей Родионович Канталин («Идущий за оленем») родом из богатой семьи. Он был оленеводом, кочевал, но, когда пришла советская власть, решил учиться. Закончил среднюю школу в Островном, затем педучилище в Анадыре, потом пединститут в Хабаровске, после чего вернулся и работал преподавателем в Красной Яранге. Что это такое?

Это непросто, Валентина Федоровна. Вы сорок лет преподавали в Торжокском педучилище, и к Вам со всей Тверской области приезжали учиться русскому языку и литературе. А здесь — наоборот. Алексей Родионович сам ездил и учил. Красная Яранга — это выездная кочевая школа. Представляете? Бегать по тундре и ликвидировать безграмотность... Вскоре его перевели в

Аньюиск, где Алексей Родионович стал вторым секретарем Восточно-Тундровского райкома партии.

Татьяна Алексеевна рассказывает, что отец был интеллигентным, образованным, к нему шли за помощью и за советом из самых отдаленных поселков, и он никогда не отказывал. Алексей Родионович сделал столько доброго, что старики-чукчи прозвали его Алексеем Революцией! Это не какая-то Росомаха. К сожалению, даже фотографии его не сохранилось. Весь семейный архив сгорел. А вот мама Татьяны Алексеевны (Ксюшина бабушка) была из бедной семьи и имела лишь три класса образования. Имя у нее было — Солнечная Женщина. Она воспитывала семерых детей и несла на себе все то тяжелое бремя, которое только и способна нести женщина в тундре. Но вот пришла советская власть, а с нею и организация новой жизни. Началась по-головная паспортизация. А в паспорте есть важнейший и первейший параграф: фамилия, имя, отчество.

Представляете, советский ответственный работник в галифе, имея за спиной мощь великого пролетарского государства, спрашивает: «Как ваша фамилия, товарищ?» А ему в ответ: «Идущий за оленем». Он переспрашивает, полагая, что ослышался, а ему повторяют... А ведь имя должно быть как имя, а фамилия как фамилия. Все должно быть как у людей, без всяких «солнечных женщин».

Отобранные имена превращались в фамилии, а новые имена были уже нашими, понятными и привычными: Федя, Петя, Маша, Таня... Так чукотская семья обрела фамилию Канталины. Красиво, но создана-то фамилия из мужского имени. Впрочем, какое дело паспортистам до этой мелочи. А представьте, если весной в тундре родилась красивая и светлая девочка и родители дали ей имя Подснежник (по-чукотски — Ы'лгинтынэчьын)? Что делать с такой девушкой при выдаче паспорта? А если мальчик был резвым, много смеялся, шутил, клоуничал и старики называли его Шумным (Никуликин)? Так получались: Наталья Николаевна

Ылгинтынэчына и Юрий Владимирович Никуликин. Но были чукчи, которые русскими именами-отчествами себя не имевали, а, поскольку закон соблюдать было необходимо, оставляли имена чукотские. Получались забавные созвучия, например: Таграй Эттувьевич Гыргольтагин или Векет Танатовна Нутеуги. В местной газете я встретил фамилию, которую ни за что не выговоришь, да и напишешь с трудом — Выквырагтыгыргина. Но ее выговаривали, причем часто: обладательница этой фамилии работала корреспондентом на радио.

Антропонимические вивисекции «Старшего Брата» вызывали повышенный интерес у исследователей, которые находили в них «прогрессивное влияние русского народа». Нам, русским, это действительно любопытно. А каково маленькому северному народу, где у каждого должно быть имя, отражающее внешность, характер, привычки? Но с чукчей требовали об этом забыть. Вот и живут они с русскими именами и переделанными фамилиями. Под этими фамилиями лежат на сельском кладбище в Кепервееме Идущий за оленем и Солнечная Женщина...

Пятеро их сыновей были заняты в оленеводстве, в совхозе, но, после его развала, остались безработными. Перебиваются, как могут. Младшая сестра, Лариса, работает в Билибинском краеведческом музее, и лишь Татьяна пошла по стопам отца. Она поступила в Анадырское педагогическое училище, по окончании которого в числе лучших студентов была направлена на учебу в Ленинград. В 1980 году вернулась в Кепервеем и с тех пор преподает в школе. Муж у Татьяны Алексеевны — украинец, работает кочегаром. Сын в армии. Старшей дочери — десять лет, младшей — пять.

Как живется на Чукотке учителям?

Татьяна Алексеевна отвечает: «Как везде».

Значит, живется плохо, бедно. Тем не менее все работают и не жалуются, хотя зарплату не получали семь месяцев. Да и что это за зарплата! Две с половиной тысячи. Высокая в сравнении с зарплатой учителя в Торжке и ничтожная для Чукотки.

«Мы — долгожители», — говорит Татьяна Алексеевна. Это означает следующее. Учителя, врачи, работники коммунального хозяйства и прочие идут в магазин, и продавец отмечает, на какую сумму получен ими товар. Речь идет о самом необходимом: хлеб, сахар, крупа... После этого «покупатель» становится должником и отдает деньги после получения зарплаты.

...Государство наше не наскучит. Вы работаете, учите, лечите, обогреваете, охраняете, но вам не выплачивают зарплату. У государства нет денег, и, следовательно, оно становится вашим должником. Но государство наше милосердно. Оно выдает продукты, чтобы вы не померли и не перестали учить, лечить, обогревать, охранять... Так, учитель или врач, не получающий полгода зарплату, сам оказывается в должниках. О каком роптании или недовольстве может идти речь, если ты — должник! И что же должно твориться с душами людей, какое унижение должны испытывать они, стоя в очереди и расписываясь при получении буханки хлеба или куска мыла в долг!

Но остерегитесь кого-то ругать. Парадокс (наш парадокс!) состоит в том, что ругать некого. Такая «раздача» продуктов — единственная возможность для местных властей хоть как-то поддерживать жизнь. Это все, на что они способны, потому что сами беспомощны.

И что же? Может, кто-нибудь озлобился, отвернулся, бросил школу, котельную, больницу и ушел в партизаны? Нет. Врачи продолжают добросовестно лечить, кочегары — топить, учителя — учить... Все несут свой крест. И худенькая чукчанка выходит к детям так же, как и ее коллеги из Твери, Нижнего Тагила или Воркуты, как тысячи учителей по всей России, и мелом выводит на старой школьной доске слова, а дети таких же бедных и измученных нищетой родителей читают вслух:

*Умом Россию не понять,
Аришном общим не измерить...*

И попробуй скажи что-нибудь дурное о России, заикнись о том, что есть в мире страны красивее, а люди лучше, заяви, что где-то есть поэты более великие и литературы не меньшие...

Всей школой, всем Кепервеемом отмечали двухсотлетие со дня рождения Пушкина. Устраивали викторины, конкурсы стихов, выставки рисунков по произведениям Александра Сергеевича, провели вечер «Болдинская осень» и даже бал, на котором ученики были одеты в бальные платья и в костюмы пушкинских героев. Особенно удался вечер, посвященный женщинам, которых любил Пушкин. Ученики определяли, какой из них было посвящено то или иное стихотворение. И на всех этих мероприятиях чукчи, эвены, белорусы, украинцы, киргизы, литовцы читали стихи. Даже самые маленькие знают о Пушкине, любят его сказки и играют в героев этих сказок. Не только в дни юбилея. И если зайти в библиотеку, то первое, что увидишь, — заботливо оформленный стенд с книгами Александра Сергеевича и слова: «Пушкин всегда с нами!»

Вот почему так хорошо говорит по-русски маленькая чукчанка Ксюша, вот откуда ее изысканные манеры и отчего искрится в её глазах жизнь.

«Зачем вы все это делаете, не получая зарплату?» — спрашиваю Татьяну Алексеевну.

«А кому тогда будут нужны наши дети?» — отвечает она.

Сейчас они с коллегами проводят декаду чукотского языка. Ученики должны знать обряды, обычаи и традиции чукчей, эвенов, эскимосов; проводятся уроки на коренных языках, устраиваются конкурсы рисунков и кроссвордов по Чукотке; дети читают чукотские, эвенкийские, эскимосские сказки, причем на языках этих народов, а иногда читают и собственные стихи. Завершит декаду всеобщий праздник с приглашением взрослых. Надо объединить поколения, чтобы все почувствовали себя единым народом.

Что же думает Татьяна Алексеевна о будущем России и о том, что происходит сейчас? Говорит, что и сама, и ученики думают об этом постоянно, размышляют и переживают за свою

страну. Недавно во время школьной олимпиады писали сочинения, и среди прочих тем была: «Каким тебе видится будущее России?» Татьяна Алексеевна пообещала передать эти сочинения, и я обязательно сохранию их для Вас.

Пока же прощаюсь и следующее письмо напишу уже из Анадыря.

---

*Из книги И.Гарусова
«Социалистическое переустройство сельского
и промыслового хозяйства Чукотки в
1917-1952 гг.» Магадан, 1981 г.*

«Большим тормозом на пути дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов стала личная собственность. Имея 500-600 голов в личном хозяйстве, семья колхозника зачастую не участвовала в общественном производстве, пользуясь всеми его привилегиями. При нормальном приросте своего стада колхозник мог забивать в год до 200 оленей, что давало ему 200 шкур и приблизительно 7 тонн мяса. Этого было достаточно, чтобы содержать в нормальных условиях семью в составе 4-5 человек, не участвуя в колхозном производстве.

В товариществах по совместному выпасу оленей владелец 500-600 голов животных, как правило, всегда находился в своем стаде. С ним, как и прежде, жили безоленные и малооленные пастухи, которым он, согласно решению общего собрания, платил по 10-20 рублей в год за выпас одного оленя. Здесь, в этой первичной форме производственного объединения, по

сути дела, была узаконена наемная рабочая сила. Никаких отчислений в неделимые фонды от своих доходов члены товарищества не производили.

Не сразу и не все партийные и советские работники поняли весь вред создавшегося положения, хотя многие из них не раз поднимали этот вопрос на разного рода совещаниях и собраниях. Это подтверждается, например, выступлением секретаря Восточно-Тундровского райкома партии тов. Богача на районном собрании 26 февраля 1941 г.: «Наличие у каждого колхозника в личном пользовании до 300 оленей влияет *(отрицательно — ред.)* на колхозное производство и не дает колхознику возможности работать в обобщественном стаде, так как он занят выпасом своих личных оленей».

ОЛЕНЕВОДСТВО НА КРАЮ БЕЗДНЫ

В Билибинском районе за годы «новой жизни» производство мяса оленя снизилось почти в 10 раз: с 2000 тонн до 204-х в прошлом году.

С наступлением нынешнего лета в чукотской тундре стоял удручающий жар, как будто солнце светило через увеличительное стекло. Казалось, не хватало воздуха, было трудно дышать. Не радовала погода. Не радовали и сводки, поступавшие из тундровых коллективов в администрацию Билибинского района. Надеялись, что усилия оленеводов, ответработников, побывавших в бригадах, принесут нормальные результаты. Однако, оптимистические прогнозы не оправдались. Почти пустыми стоят мясные склады олонцев, фермеров «Нутессена», «Тополевой», «Илькувеема» и других хозяйств. Создается впечатление, что отрасль может окончательно рухнуть в бездну. Сегодня на просторах

билибинской тундры выпасается чуть больше 22 тысяч оленей. И хотя животные за лето набрали хорошую упитанность, осенне-зимний забой не планируется. Он приостановлен на два года.

Каково состояние оленеводства, таково и положение тундровиков: из 432-х работающих — 418 представители коренных национальностей...

Людмила Глазунова, «Крайний Север», 29 октября, 1999 г.

С НЕВЕРОЯТНОЙ ВЫСОТЫ

(Автор слов неизвестен)

*Я не завидую орлам,
Парящим в небе голубом.
Я сам бываю часто там,
Где видно на сто верст кругом.*

*С невероятной высоты,
Где кровь хмельная бьёт в виски,
Земной не видя красоты,
Я, верно, умер бы с тоски.*

*Любые страхи нипочем!
Но я страдал, когда внизу
Река казалась мне ручьем,
А пруд — похожим на слезу.*

*И даже город мой мельчал
И становился все бедней.
Я с высоты не замечал
Снующих по нему людей.*

*И я с небес свершил побег,
Меня оттуда вниз несло,
И все, что создал человек,
Опять росло, росло, росло...*